

УДК 070(09)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-92-100

От робеспьеризма к «постепенчеству».
Проблема революции
в публицистике А.И. Герцена

Светлана М. Волошина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, s.m.voloshina@gmail.com.*

Аннотация. В статье дается общий обзор развития взглядов А.И. Герцена на проблему революции и их отражение в его публицистике. Понимая революцию достаточно широко, Герцен причисляет к ее образцовым, архетипическим примерам возникновение и первые века христианства в Древнем Риме, а также Французскую революцию 1789–1794 гг. Обе революции, их «апостолы» и вера в преобразование мира были для Герцена критериями оценки и моделями для последующих переворотов и их участников. Революция 1848 г. пошатнула веру Герцена в новых революционеров, целесообразность якобинских методов и необходимость революционных преобразований для современности; привела к кризису его мировоззрения и потребовала глубокого анализа причин провала революции. С 1848 г. Герцен все более охладевал к идеям государственного переворота, отказывался от идеализации «апостолов революции», а также террористических якобинских методов.

Ключевые слова: А.И. Герцен, революция, Французская революция, история России, террор, публицистика

Для цитирования: Волошина С.М. От робеспьеризма к «постепенчеству». Проблема революции в публицистике А.И. Герцена // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 11 (44). С. 92–100. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-92-100

From “robepierrianism” to piecemeal reforms.
Alexander Herzen on revolution
in his political essays

Svetlana M. Voloshina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
s.m.voloshina@gmail.com.*

Abstract. In the article, the author presents the overview of A.I. Herzen’s changing views on revolution and the way they are reflected in his political essays. Having a broad perception of revolution, Herzen considers the emergence of Christianity and its early years in Ancient Rome as well as the French Revolution to be the exemplary, paradigmatic revolutionary cases. Both revolutions, their “apostles” with their belief in the world transformation were Herzen’s assessment criteria and models for the prospective coups and their participants. The revolution of 1848 shattered Herzen’s faith in the new revolutionaries, in the expedience of Jacobin methods as well as in the necessity of revolutionary changes for the present. It resulted in a crisis in his worldview and demanded deep analysis of the reasons why the revolution failed. From year 1848 on, Herzen was getting less inclined to the idea of a coup d’etat, he refused to idolize the “apostles of the revolution” and Jacobin terrorist methods.

Keywords: A. Herzen, revolution, French Revolution, the history of Russia, terror, political essays

For citation: Voloshina SM. From “robepierrianism” to piecemeal reforms. Alexander Herzen on revolution in his political essays. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series.* 2018;11(44):92-100. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-92-100

Отношение А.И. Герцена к революции, ее методам, алгоритму, анализ предыдущих и прогнозы возможных будущих – частая тема его публицистических высказываний.

Великая французская революция была для Герцена вторым из двух величайших исторических эпизодов современной цивилизации. Первым было возникновение и первые века христианства, колоссальный цивилизационный слом, истинная – по мнению Герцена – революция. Мир Древнего Рима, как и старый порядок во Франции, обветшал и стал теми старыми мехами, что непригодны

для нового вина. Эта параллель неслучайна: с начала 1840-х гг. Герцен был последователем Л. Фейербаха, и принципиальное значение для него имела не столько религия и/или идеи, ради которых совершался поворот, а чистота и нравственная сила людей, менявших мир по своей искренней вере и ради всего человечества.

Именно эти две «революции» и их «участники» стали высшим этическим мериллом для Герцена и основой универсального тезауруса.

Революция – как христианская, так и французская – универсальна, демократична по своей природе; она не может быть достижением и принадлежностью отдельных сословий и наций и имеет целью высшее (по мнению Герцена) благо – нравственную и социальную свободу.

Кто своекорыстно хочет себе и своим воли и в то же время набивает колодки на соседа, тот не достоин свободы. Тем-то и было велико сначала христианство, потом та великая революция 1789 г. (о которой и наши пигмеи говорят теперь свысока), что если они не спасли и не освободили всего света, то все же верили в общее спасение и освобождение, звали к ним всех без зверской ненависти одной породы к другой, без зоологических пристрастий и антипатий [1 XIX с. 224]¹.

И первые христиане, и «апостолы революции» конца XVIII в. – лучшие, высшие люди, горячая вера которых если и не привела к прямой реализации их мечты, то улучшила нравственный и общественный климат определенных исторических периодов и дала универсальные образцы для подражания революционерам и просто хорошим людям следующих эпох. Все эпизоды, посвященные этим двум темам, неизменно выписаны Герценом в возвышенном романтическом ключе.

Цель революций всякого рода – вовсе не сугубо прагматическая, революции – вечное выражение идеи свободы, неподчиненности жизни узким рамкам определенных государственных формаций и социальных устоев. По Герцену, развитие рода человеческого неостановимо, и революции (как религиозные, так и социальные – важно, что истинные) будут (и должны) происходить на всех последующих витках истории, стяхивать обветшалые и замедляющие ее ход общественные формы. Когда-то «...начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущее, неизвестною нам революцией... Вечная игра жизни, безжалостная, как смерть, неотразимая, как рождение...» [1 VI с. 110].

¹ Здесь и далее ссылки на это издание даются с указанием тома римской цифрой.

Но если идея революции до последних лет жизни представлялась Герцену неизменно высокой, а сами революции – неотъемлемой частью развития человечества, то его отношение к отдельным «методам» (террору) и целесообразности ускоренного «проведения» революций принципиально менялось.

И Евангелие, и история революции 1789 г. с их «действующими лицами» стали частью детского знания и мировоззрения Герцена, как и многих его сверстников. Все, даже самые краткие, воспоминания его о детстве неизменно политизированы и содержат упоминания о Французской революции и ее деятелях – таким образом, наряду с традиционными автобиографическими акторами влияния (семьей и событиями отечественной истории), эта революция становится органической частью биографии героя, а сам он – полным преемником революционных преобразований.

Уже гораздо позже Герцен настаивает на интериоризации, присвоении этого (чужого) исторического опыта. «Мы так же пережили Руссо и Робеспьера, как французы, Шеллинга и Гегеля, как немцы», – пишет он, например, в статье «Прививка конституционной оспы» (1865 г.) [1 XVIII с. 322].

Французская революция появляется и переживается не только в публицистических «думах», но и художественных произведениях Герцена (рассказ «Первая встреча» («Германский путешественник») (1836 г.) и повесть «Долг прежде всего» (1854 г.)). Описание «приключений» путешественника-иностранца, оказавшегося в Париже во время революции, оставалось, по замечанию Мартина Малиа, «одной из... наиболее устойчивых фантазий» Герцена [2 с. 463].

Присваивая таким образом европейский опыт революции, Герцен давал себе свободу анализировать как сильные, так и слабые ее стороны, строить на этом анализе возможные пути развития общественно-политической ситуации в России. Французская революция 1789 г. стала образцовой, с которой сравнивались последующие и возможные будущие.

Именно этими ретроспективно выработанными критериями и оценивалась Герценом неудача революции 1848 г. Находясь непосредственно в зоне ее действия (хоть и в роли наблюдателя), А.И. Герцен смог если не актуализировать, то увидеть воплощение идей, до тех пор пребывавших «в отвлеченности».

Как известно, центральным впечатлением от этой революции стало разочарование не только в ней, но и в европейском мире вообще, и как следствие – перенос ядра чаемых революционных преобразований из Европы в Россию. Кризис мировоззрения

Герцена этого времени виден в переписке, «Письмах из Франции и Италии», особенно заметен в пессимистичных диалогах «С того берега» (1847–1855) и в пятой части «Былого и дум».

В своем фундаментальном труде «Александр Герцен и происхождение русского социализма» (1965 г.) Мартин Малиа настойчиво доказывает, что разочарование в Европе и ее революционном потенциале настигло Герцена еще до событий 1848 г. [2 с. 460].

Эта гипотеза дебатировалась, в частности, другим англоязычным исследователем Герцена – Эдвардом Актоном. Он считал, что Герцен в Европе «сдерживал свой энтузиазм», по мнению его друзей (уже побывавших, в отличие от него, в Европе), потому что «не желал показаться наивным, впечатлительным туристом» [3 с. 27–28].

Так или иначе, итальянские события весны 1848 г. поначалу дали надежду на революционное обновление. Любопытно, как позже, в «Былом и дум», Герцен аккуратно выписывает момент, когда его мечты об участии в революции сбылись:

Чичероваккио² был на балконе, сильно освещенный факелами и канделябрами, а возле него – осененные знаменем Италии четыре молодые женщины, все четыре русские... <...> ...здесь *аристократический пролетарий*, потомок Мария и древних трибунов, горячо и искренно приветствовал нас. *Мы им были приняты в европейскую борьбу...* и с одной Италией не прервалась еще связь любви, по крайней мере сердечной памяти [1 X с. 28] (курсив мой. – С. В.).

В нескольких строках расставлены необходимые акценты: аристократия и пролетариат – два класса (прошлого и будущего), наделенные общественными добродетелями и революционным потенциалом, и в лидере итальянского демократического движения оба класса соединились. Передача знамени Италии русским выглядит долгожданной революционной инициацией, реализацией любимой Герценом модели «скиф Анахарсис Клоотс в революции». «Связь сердечной памяти» также важна: итальянцы – чуть ли не единственная нация Европы, о которой Герцен отзывался с одобрением, ведь оба «братских», бедных и подавленных жестокой властью народа могут «стать первыми», перейти в авангард революционной борьбы [см., напр., 2 с. 488].

Но с приездом во Францию Герцен быстро перешел от оптимистических прогнозов к мрачному скептицизму. После июньских со-

²Чичероваккио – Брунетти Анджело (1800–1849), итальянский революционер, участник защиты Римской республики.

бытий Герцен окончательно разочаровался в способности Европы стряхнуть с себя ветхие одежды и возродиться. «Все заветное, что мы любили, к чему стремились, чему жертвовали. Жизнь обманула, история обманула, обманула в свою пользу...», – писал он в пятой части «Былого и дум» [1 X с. 232–233].

«Обман» истории требовал анализа и осмысления причин, применения критериев тех двух главных революций к новой. Причину Герцен упоминает уже в первом по хронологии публицистическом документе о революции – «Письмах из Франции и Италии»: дело не в идеях, а в людях, пытавшихся повторить опыт великих предшественников – первых христиан и якобинцев. В отличие от них новые революционеры не обладали истовой верой и действовали как благоразумные чиновники – сравнение в устах Герцена убийственное.

Апостолы и якобинцы веровали, что они спасут мир, что их спасение есть единое возможное, и оттого действительно спасли его. <...> Для того чтоб быть деятелем в истории, скорее надобно несколько мономании, сумасшествия, нежели холодного беспристрастия; люди, захватившие власть после 24 февраля, конечно, не были сумасшедшие, они заслуживают премию за умеренность и благоразумие, но за это не дается лавровых венков, а много-много – Владимир в петлицу [1 V с. 186].

Герцен настаивает, что для получения верных выводов необходим трезвый и жесткий анализ, не щадящий ничего и никого, даже светлые идеалы. Необходимо убрать те формы и факты ветхого мира, что мешают обновлению и продвижению вперед, даже если они дороги. Надо судить историю судом «неподкупного разума» [1 VI с. 44] – и теперь под этот суд попадают даже герои первой революции, якобинцы.

Не будет миру свободы, пока все религиозное, политическое не превратится в человеческое, простое подлежащее критике и отрицанию. <...> Мало ненавидеть корону, надобно перестать уважать и фригийскую шапку; мало не признавать преступлением оскорбление величества, надобно признавать преступным *saluspopuli* [1 VI с. 46].

После 1848 г. постепенно меняется и отношение Герцена к террору. Обладая характером, не приемлющим идолопоклонства, Герцен прямо пишет об ужасах террора любимых героев-якобинцев – более того, эта мера не помогла спасти революцию. Ранее террор мог быть оправдан чистотой веры и помыслов революционеров, что

превращало его в событие эстетически прекрасное: «Террор 93 года был величественен в своей мрачной беспощадности» [1 V с. 155]. В современном мире этот революционный алгоритм немислим:

Террористы были люди недюжинные. Суровые, резкие образы их глубоко вываялись в пятом действии XVIII века... но нынешние французы-республиканцы на них смотрят не так, – они в них видят образцы и стараются быть кровожадными в теории и в надежде приложения [1 XI с. 59].

Теперь – до самых последних статей – Герцен последовательно и настойчиво доказывает ненужность, вредность террора.

В середине – второй половине 1850-х гг., в начале царствования Александра II, Герцен надеется на мирные реформы и обновление жизни в России – и еще азартнее и убедительнее призывает отказаться от кровавых революционных «французских» средств в пользу мирных – «английских». В статье с красноречивым названием «Революция в России» он утверждает:

В то время, как Франция с 1789 года шла огнедышащим путем катаклизмов и потрясений, двигаясь вперед, отступая назад, метаясь в судорожных кризисах и кровавых реакциях, Англия совершала свои огромные перемены и дома, и в Ирландии, и в колониях с обычным флегматическим покоем и в совершенной тишине [1 XIII с. 21–22].

Важно отметить, что в это время Герцен не просто осуждает якобинский путь и кровавые революции – он отказывается быть центром революционной организации по образу и подобию партии Джузеппе Мадзини – «партии нового типа» [подробнее об этом: 4 с. 120]. Отказ этот тем более значим, что идет вразрез с революционным организационным «мейнстримом» тех лет, когда «эталоновыми героями» были «Мадзини и его ученик, “народный полководец” Дж. Гарибальди» [4 с. 121]. Герцена (и на время – Н.П. Огарева) отталкивала не идея тайного общества и роль Мадзини как его главы, а возможные (т. е. неизбежные) жертвы среди их последователей.

Чем дальше, тем чаще Герцен в статьях выступает с позиции «отцов», пытающихся образумить радикальных «детей». Так, в статье «Журналисты и террористы» (1862 г.), реагируя на появление манифестов и листовок «Молодой России», Герцен представляет увлечение террором юношеским максимализмом и детской тягой к сильным, но опасным эффектам:

Кто знаком с возрастом мыслей и выражений, тот в кровавых словах «Юной России» узнает лета произносящих их. Террор революций с своей грозной обстановкой и эшафотами нравится юношам, так, как террор сказок с своими чародеями и чудовищами нравится детям. Террор легок и быстр, гораздо легче труда... [1 XVI с. 221].

Более того – «нерасчетливо и вредно пугать» [1 XVI с. 221] террором общество, это не приведет ни к чему, кроме подавления оппозиции.

В конце своей недолгой жизни Герцен и вовсе стал выступать в амплу антиреволюционного пропагандиста. В цикле писем «К старому товарищу», обращенному к М.А. Бакунину, который «запил свой революционный запой» [1 XI с. 370], т. е. вместе с «внучком» С.Г. Нечаевым разрабатывал террористически-революционные планы, он писал о бесплодности этих мер: «...насильем можно разрушать и расчищать место – не больше» [1 XX с. 578].

Революцией в мире, в котором пока не произошли коренные изменения экономического, социального и этического характера, ничего изменить нельзя, торопить события – значит идти против законов природы и общества:

Петр I, Конвент научили нас шагать семимильными сапогами, шагать из первого месяца беременности в девятый и ломать без разбора все, что попадется на дороге. <...> Подорванный порохом, весь мир буржуазный, когда уляжется дым и расчистятся развалины, снова начнет с разными изменениями какой-нибудь буржуазный мир [1 XX с. 576–577].

Таким образом, Герцен проделал путь от одного полюса к другому – от «религии» якобинцев и Робеспьера – через разочарование революцией 1848 г., через разочарования в обновлении европейского мира и перенос центра чаемого обновления в русскую крестьянскую общину – к пропаганде ухода от насильственных, кровавых революционных переворотов, к постепенной, мирной эволюции, базирующейся на просвещении и изменениях в социально-экономической сфере.

Для атеиста (с 1840-х гг.) и фейербахианца Герцена великие религиозные и социальные перевороты равны и славны величием их вдохновителей и участников: «Социализм соответствует назарейскому учению в Римской империи» [1 VI с. 78]. При этом Герцен выходит за узкие рамки политических и социальных категорий, указывая на бесконечность процесса обновления общества и его форм:

Будущее вне политики, будущее носится над хаосом всех политических и социальных стремлений и возьмет из них нитки в свою новую ткань, из которой выйдут саван прошедшему и пеленки новорожденному [1 VI с. 78].

Литература

---

1. *Герцен А.И.* Собрание сочинений и писем: В 30 т. / Редкол.: В.П. Волгин (глав. ред.) и др. М.: АН СССР, 1954–1966.
2. *Малия М.* Александр Герцен и происхождение русского социализма 1812–1855 / Пер. с англ. А. Павлова и Д. Узланера. М.: Территория будущего, 2010. 568 с.
3. *Acton E.* Alexander Herzen and the Role of the Intellectual Revolutionary. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 194 p.
4. *Одесский М., Фельдман Д.* Поэтика власти: Тираноборчество. Революция. Террор. М.: РОССПЭН, 2012. 263 с.

References

---

1. Hertsen AI. Collected Works and Letters / Ed. Board: V.P. Volgin (Chief editor) and others. In 30 volumes. Moscow: AN SSSR Publ.; 1954 *Territoriya budushchego* 1966. (In Rus.)
2. Malia M. Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism 1812–1855 / Trans. from the English by A. Pavlov and D. Uzlaner. Moscow: *Territoriya budushchego* Publ.; 2010. 568 p. (In Rus.)
3. Acton E. Alexander Herzen and the Role of the Intellectual Revolutionary. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 194 p.
4. Odesskii M., Fel'dman D. Poetics of power: Tyrannism. Revolution. Terror. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2012. (In Rus.)

Информация об авторе

Светлана М. Волошина, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; s.m.voloshina@gmail.com

Information about the author

Svetlana M. Voloshina, PhD in Philology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; s.m.voloshina@gmail.com.